

Сергей Наумов

Время талых снегов

Сергей Наумов

Время талых снегов

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160036

Сергей Наумов. На расстоянии крика: Вече; Москва; 2004

ISBN 9533-0276 2

Аннотация

Сергей Наумов относится к тем авторам, кто создавал славу легендарного ныне "Искателя" 1970 – 80-х годов. Произведения Наумова посвящены разведчикам, добывавшим сведения в тылах вермахта, и подвигам пограничников.

Сергей Наумов

Время талых снегов

* * *

Снег выпал, когда сраженный сном Александр Васильевич постанывал на нарах. У него всегда ломило к непогоде разбитое еще в молодости ребро.

Утром Горанин увидел горы другими. Белый сказочный мир расстился вокруг. В сочетании с тишиной он рождал ощущение нереальности.

– Как на луне, – сказал Федя, вышедший вслед за Александром Васильевичем из домика лавинной станции.

– Замерь глубину, – приказал Горанин и придирчивым взглядом окинул зубчатые, точно приклеенные к небу хребты.

Ему показалось, что по соседнему гребню передвигаются люди. Горанин вскинул к глазам бинокль. Сильные стекла приблизили выступы гор. Они были пусты. "Чертовщина какая-то", – подумал лавинщик и протянул бинокль Феде.

– У тебя глаз острее. Посмотри. Вроде бы люди шли.

Федя долго и внимательно разглядывал в бинокль склоны гребня, но тоже ничего не увидел.

– Показалось.

За хребтом лежала чужая страна. Граница проходила по высокогорному плато. Район этот был недоступен человеку. Над ним изредка пролетали патрульные вертолеты. И тогда на снегомерной станции был праздник. Вертолет обязательно сворачивал к их домику и, покружив над каменным козырьком, сбрасывал чай, газеты и неизменный вымпел.

"Привет самому дальнему посту. Махура".

Так начальник ближайшей погранзаставы намекал на бдительность и напоминал о давнем уговоре – следить по возможности за нижней тропой.

Александр Васильевич надел лыжи и заскользил вниз. Он хотел посмотреть, занесло ли снегом капкан, поставленный вчера на развилке троп. Он долго разыскивал капкан на узком перекрестке, а когда нашел, то увидел, что капкан стоит дужками к обрыву. У каждого охотника своя привычка ставить капканы, Горанин всю жизнь ставил их навстречу зверю, дужками вперед. И вчера он не изменил своей привычке. "Может быть, лиса развернула капкан", – подумал Александр Васильевич, поднимаясь по знакомому склону, где когда-то убил барса.

Всякий раз, пересекая склон, Горанин вспоминал подробности этого поединка. Молодой барс и не думал таиться. Он сразу бросился на человека. Первым же выстрелом Александр Васильевич ранил зверя. Но и раненый, тот полз к нему по склону, готовясь к последнему прыжку.

Весь день Александр Васильевич был хмур и раздражи-

телен. Подолгу обшаривал он биноклем горы, прощупывал каждый метр и не находил себе места.

– Чего маетесь? – успокаивал его Федя. – Может, игра теней... В горах живем. Посудите сами – за сорок лет никого на этом плато не было. Ни-ко-го. Туда только сверху можно попасть и то не всегда...

– А тропа Сеид-хана? – тихо спросил старик.

– Легенды... Ну, может, в древние времена и ходили купцы... И была тропа такая тайная. Но сами же говорили – за двадцать пять лет все здесь обшарили, прочесали.

– А если есть сквозная пещера? – не сдавался Александр Васильевич.

– Вы взрослый человек, – осуждающе заметил Федя, – а еще на границе служили...

Да, было время, и он, Горанин, служил в пограничных войсках. Безусым пареньком по комсомольскому призыву пришел Александр Васильевич на заставу и отдал нелегкой службе всю жизнь, вышел по возрасту в отставку, но с границы уйти не смог. Попросился на снегомерную станцию. Работа оказалась несложной и даже в чем-то интересной.

Сын звал отца в столичный город, где работал врачом. Александр Васильевич съездил к сыну в гости и вернулся в горы.

Горанин мельком взглянул на Федю, усмехнулся, поймав его насмешливый взгляд, и спросил:

– Как по-твоему, кто переставил капкан?

– Вы просто забыли, как его поставили.

Федя все так же с усмешкой смотрел на Горанина.

"Неужели действительно забыл?" – подумал Александр Васильевич, выходя из дома.

Чутьем, выработанным за долгие годы службы на границе, Горанин чувствовал что-то неладное в горах. И беспокойство, вселившееся в него с утра, росло с каждым часом.

Он еще раз сходил на лисью тропу, но ничего подозрительного не обнаружил.

Косые тени упали в долину. Ночь заливала ущелье густой смолой.

– Спать где будете? – спросил Федя. – Опять на улице?

– Да, – коротко ответил Горанин.

Он поднял с пола спальный мешок, ударом ноги распахнул двери и вышел на крыльцо.

И вдруг увидел короткую тусклую вспышку на гребне. Словно кто на секунду приоткрыл клапан в палатке. Или зажег спичку. Но сколько ни вглядывался Горанин во тьму, огонек больше не появлялся.

Снег дышал свежестью. Он пьянил, будоражил мозг. Над горами мерцали близкие звезды. Темно-синяя бездна неба дышала холодом.

Горанин лежал на спине и слушал свои мысли. Они звучали в мозгу, горячие, жгучие, текли сквозь него теплой волной. Так знакомо и близко было это ощущение, так спокойно было с ним, что, засмотревшись на пылающее звездными

иглами небо, он забылся тревожным коротким сном.

Проснулся Александр Васильевич посреди ночи от тонкого пронзительного свиста. Горы рождали ветер. Холодный воздух боролся с теплым.

Горанин вылез из спального мешка и прошел к домику. Рация спала, укрытая пледом. Он долго смотрел на нее. Можно поднять тревогу. Стоит только тронуть прохладный ключ передатчика. А если тревога будет ложной – скольких людей вырвет он из постели и бросит в ночь, в снега? Короткое слово – тревога. А ночь из-за нее бывает длинней целой жизни.

Нужно дождаться утра. И самому пройти по гребню. Если там были люди, они оставили след.

Утро вкатило в межгорье розовый рассыпчатый свет. Горанин, лежа в спальном мешке, одним глазом следил за тем, как Федя надевал лыжи, поглядывая в его сторону.

Александр Васильевич, может быть, впервые за два года совместного житья не проводил Федю. Чувство обиды на этого в общем-то славного парня еще не прошло у Горанина. Посмеялся над стариком и в ус не дует.

Федя двинулся нижней тропой, и Александр Васильевич понял, что он хочет пересечь горное плато к северо-западу от станции и спуститься в долину по его восточным уступам. Это было необычно. Значит, Федя решил прочесать весь участок к западу от станции. И его задела тревога.

Красная шапочка Феди долго горела на белом снегу. Но и

она растворилась в ослепительном сиянии гор. Тогда Александр Васильевич взял бинокль. Но посмотрел он не туда, где исчез Федор. Он смотрел на верхнюю тропу. Сильные стекла приблизили резкие изломы скал. Тропа бежала между материковым склоном и гребнем древней морены. Морена осталась от ледника, сползшего в долину. Тропа прерывалась осыпями, но с помощью страховочной веревки их можно было преодолеть.

Александр Васильевич мысленно продолжил тропу до того места, где она упиралась в отвесно уходящую ввысь скалу. Было всегда странно и таинственно видеть конец тропы. Словно кто-то нарочно перегородил ее гигантским камнем.

В недалекие времена своей службы на заставе Горанин думал, что это и есть тропа легендарного Сеид-Хана. Он простукал каждый сантиметр скалы. Плотная базальтовая порода отзывалась глухим твердым звуком. Он наблюдал за ней часами и однажды увидел горного козла. Его тоже обманула тропа, ведущая в никуда. Козел потерял рогом о камень и повернул обратно.

А теперь тропу за мореной можно только угадать; ее сравняли частые лавины, загромодили камни, но все еще можно было добраться с ее помощью до каменной стены, напоминающей острый косой парус.

Он взял карабин и надел лыжи. На подходе к гребню Горанин увидел след. Он появился на тропе внезапно, словно упал с неба. След глубоко впечатывался в снег, и Алек-

сандр Васильевич догадался, что нарушитель шел не один. Возможно, их было трое. Горные ботинки с шипами мешались с отпечатком легких восточных чувяк. Люди шли в сторону границы. Внезапно выпавший снег напугал их. И выдал.

Сжимая карабин, Горанин стоял на том месте, где начался след. Он стоял молча, почти не дыша, и походил на сонную ночную птицу. Горанин пристально всматривался в местность. Вот здесь по снегу что-то волокли. За дальними кустами они спускались.

Александр Васильевич медленно поднимался по склону. За кустами снег оказался плотным, словно его долго утрамбовывали. Горанин разгрёб небольшую лунку и коснулся камней. Они не были монолитами. Их положили здесь недавно. Камни маскировали лаз. Значит, есть все-таки сквозная пещера, прорезающая гребень!.. Неуловимый Сеид-Хан уходил от пограничников за кордон только ему одному известным путем.

Трое пришли ночью по нижней тропе, сбили капкан и в темноте поставили его неправильно. Они добрались до входа в пещеру и заночевали в ней. Теперь они уходят за кордон. И скорей всего они пересекут границу. У них точный расчет. С патрульного вертолета, если даже он и появится, можно не отличить белый халат от снега. Значит, остается он, Горанин. И снег. Снег отнимет у нарушителей время. Их можно еще достать на лыжах.

Александр Васильевич разобрал камни, закрывающие лаз, снял лыжи, перевесил карабин на грудь, включил фонарик и нырнул в темноту.

Пещера, похожая на узкую низкую штольню, тянулась до самого гребня, прорезала его и внезапно открывалась над пропастью. Увидеть сверху вход в пещеру было невозможно. Его прикрывал каменный козырек.

Горанин взглянул на прилепившуюся к гребню тропку в три ладони шириной и понял, что лыжи придется оставить. А лучше обозначить ими скрытый вход в пещеру. Кто знает, как все обернется дальше.

Он ступил на тропу, по которой не ходил никогда. И она робко повела его, петляя среди осыпей и завалов. Снег обманчиво провисал по краям. Александр Васильевич не сразу ставил ногу, а как бы ощупывал каждый метр тропы, пробуя ее прочность, и только найдя точную точку опоры, делал шаг. Горанин умел ходить в горах.

Справа от него, прямо из-под ног, скала отвесно падала вниз. Но такой тропе мог пройти только настоящий альпинист, привыкший к высоте. Трое, оставившие здесь след, знают горы не хуже старожилов. Идут след в след. И это уже не для маскировки – просто так удобней. Идут в связке, подстраховывая друг друга.

Солнце по-зимнему неохотно выглядывало из-за вершин.

Он увидел нарушителей, выйдя из-за поворота. Три фигурки в белом, прямо над ним. Они почти сливались со сне-

гом. И только серая каменистая гряда, вдоль которой они шли, помогла обнаружить их.

И еще Горанин понял, что ему не догнать нарушителей. Он устал, медленно и тяжело переставлял ноги. Пот заливал глаза. Александр Васильевич брал в пригоршню снег и прикладывал к лицу. Туман, стоящий перед глазами, не уходил. Тогда Горанин поднял голову и увидел мрамор высоко-го неба.

Александр Васильевич упал с тропы на склон и, распластав руки лежал так минуту или две. Он вспомнил о бинокле и достал его из футляра. Горанин увидел их крупно, в профиль. Двое были восточными людьми, третий – европеец с тонким приятным лицом. Он оглянулся, и Горанин успел заметить на его груди автомат. Александр Васильевич усмехнулся: "Стрелять здесь сейчас равносильно самоубийству" – эхо от выстрелов обязательно вызовет лавину.

И вдруг, бинокль вздрогнул в руке старого пограничника. Там, где тропа делала поворот, на самом пологом месте ее пересекали две широкие полосы. Ночью здесь прошуршали маленькие лавинки. Сошел снег с ближних склонов. На одной из вершин собралось много снега, слишком много для этой гладкой коварной горы. Образовался снежный карниз, чудом державшийся на краю. Два часа хорошего солнца, и он рухнет вниз, сметая на своем пути вековые деревья, сшибая многотонные валуны, как спичечные коробки.

Он видел это не однажды. И всякий раз зрелище было

незабываемым. Эту лавину Горанин мог предсказать с точностью до десяти минут.

Два часа хорошего солнца. Или – выстрел.

Горанин опустил бинокль и посмотрел вниз. Склон обрывался пропастью. Именно сюда устремятся потоки снега и камней. Но прежде они сметут идущих в связке нарушителей.

Только лавина может настичь уходящих за кордон. Что они несут с собой? Он не может этого знать. Но если столько лет держали в резерве забытую всеми тропу и теперь воспользовались ею, значит, дело случилось исключительной важности. И такой эскорт для европейца. Охрана, готовая принять на себя пограничный поиск, бой, все что угодно, лишь бы человек с тонким, почти детским лицом проскользнул за гребень, за полосатый столб с гербом Советского Союза.

Александр Васильевич достал из-за спины карабин, поднял его над головой и двинулся вверх по склону.

Он шел медленно и тяжело. Он думал о том, что делает последние шаги в своей жизни.

Грохот двух выстрелов расколол тишину гор. Они обрели эхо. Вздогнувшийся воздух незримо коснулся белой шапки большой, нелепо сложенной горы. И этого было достаточно, чтобы родилось движение. Оно нарастало с каждой секундой. Шорох превращался в грохот. Грохот в гул. Это двинулась вниз лавина.